

И ценности моей жизни

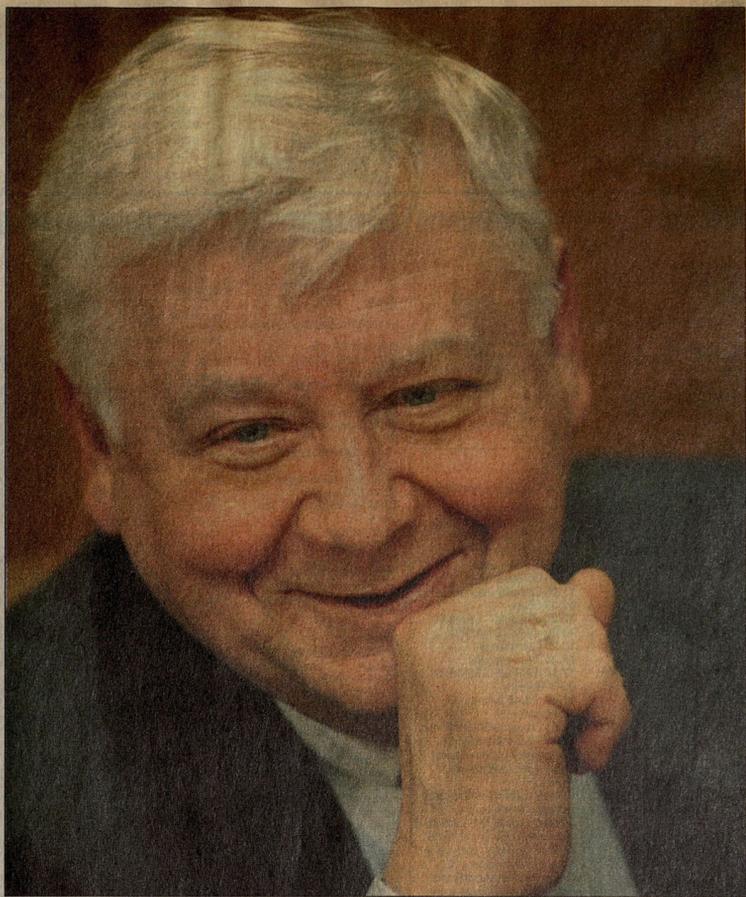
В ЧЕТВЕРГ ПОУТРУ С ОЛЕГОМ ТАБАКОВЫМ

Табачков ходит в гости со своими сухарями

Общая газета. — 1999. — 7-10 окт. — с. 11

Жаль, что вас не было с нами — хочется сказать читателю после встречи с **Олегом ТАБАКОВЫМ**. Потому что этого человека надо не только слышать, но и видеть. Видеть, как артист на твоих глазах творит спектакль из собственной жизни, одушевляя воспоминания жестом, мимикой, точной паузой. Безудержный смех в редакции сменялся внимательной тишиной, поскольку речь шла о предметах не только веселых, но и серьезных. Табачков называет себя «conducteur de jeu» — руководитель игры. В этом определении соединяются талант и ответственность. За это зритель платит уважением и признательностью, история — законным местом в будущем.

болели сжимали друг другу руки и возбужденно шептали: «Ты понимаешь, что происходит?» Слава богу, в «Современнике» этого было много меньше. Даже играя «Голого короля», Евстигнеев никогда не держал в голове Хрущева. Он играл идиота, сидящего на вершине власти. Но идиота гуманизированного — не дурак по женской части, ищет выходы из безвыходных положений, вникает в творчество подчиненных. Это все отражало и жизненный, и национальный опыт, но не носило характера принуждения: делай с нами, думай, как мы. Однажды, приля в Театр на Таганке, уже в фойе я попал в круговорот, волнующий зрителей в театральное действие. Не желая вовлекаться и будучи паскудником по природе, я подошел к актеру, играющему на гармонике, и стал внимательно на него смотреть. К концу 25-й секунды он сказал: «Олег Павлович, уйдите, вы мешаете». Нет, я не из той коношни. Все-таки я из школы Художественного театра, это другая стилистика, другая система метафор и иннокананий. Вот когда Терханов со своим братом Иваном Москвиным разделили догала и легли возле номера Ольги Леонардовны Книппер-Чеховой и, когда она вышла, загнусавили: мы подкинулись, мы подкинулись — это мне по натуре, это мне по любви. Умение обогреть ситуацию, постоянная готовность к эксперименту пронизывали и атмосферу «Современника». Розыгрышам не было конца за кулисами и даже на сцене. Одно мое худуганство интеллигентнейший Миша Козяков даже описал в своей книге. В спектакле «Баллада о несомелом кабачке» он играл рассказчика. Много рассуждал о любви, об одиночестве, строящая брови домиком. С течением времени первознатность моего восприятия притупилась, и однажды я не выдержал этого горестного одно-

Мы очень любили друг друга. Мне тогда и подумать было странно, чтобы оставить театр в тяжелое время и поехать в Англию сниматься с Ванессой Ренгрей, куда меня звали на контракт в 40 тысяч фунтов. В это время закрылись наши спектакль «Большевик», который мы хотели подарить партии на 50-летие советской власти, а она этот подарок ну никак не хотела брать. И вот вместо того, чтобы рвануть за своей долей злата, я вместе с другими обивал пороги, добиваясь премьеры 7 ноября. Я никогда не жалел об этом. Другая была нравственная ось координат. Мы не кричали о своей гражданственности, тем не менее у нас были свои представления о ней. Например, когда от меня требовали выехать из телевизионного спектакля о декабристах Зорика Филлера, по-

эту кайнову печаль, но нет, на это кишка была тонка. Позже, знакомясь с некоторыми записями Степанского, наставника Александра I, я обнаружил, что это давно принятый на вооружение дьявольский ход власти. Попробуй отойси! Да это же наш парень. Вот только что орденчик получил. Видали?

■ Как вам удавалось никогда не портить отношения с властью?

■ Что особенно задевает ваши гражданские чувства?

■ Как вы относитесь к призывам спасти Россию?

НА САМОМ деле я к власти никогда не был близок. Мои отношения с ней всегда были по касательной. Чаще всего это касалось «Современника», и ходит мне больше всего приходилось к Виктору Васильевичу Гришину. По разным поводам. То Спесивцев согрешил с какой-то своей ученицей и ему надо было сойтись с ней в раннем браке. Мы шли с Олегом Николаевичем объяснять, что работа у артистов такая нервная. То Галину Борисовну Волчек не утверждали на главного режиссера. Ходил, чтобы доказывать: еврейка — да, женщина — да, не член КПСС — да. Но талант! Тем обиднее было услышать гонимого полтора назад, что тогдашний зав. сектором театра в ЦК партии Глеб Шипалин убедил Галину Борисовну в том, что единственный человек, противившийся ее назначению, был Табачков. Так разволновали людей нашей профессии! Ведь сейчас, если говорить об истории «Современника», то семилетия моего директорства как бы и не было. Получается, что Галина Борисовна как-то непосредственно от Олега Николаевича приняла театр. Я понимаю человеческие слабости, Галка до сих пор дорогой и близкий мне человек. Мы никогда не говорили об этом, но мне жаль, что остротная стрела так точно попала в цель. Но та власть вообще была сильно изощренной во зле. Однако и мы сильно изощрились по ее поводу. Как-то одна моя поклонница очень разволновалась, что не никак не даю задание народного артиста СССР. И один актер, не буду называть его имени, сказал: и правильно, язык за зубами надо держать. Один случай соприкосновения с властью помню особо. После просмотра «Семнадцати мгновений весны» меня отвел в угол Андропов и почти прошептал: «Олег, так играть — безнравственно». Я как-то так пришел и не нашелся что ответить. На самом деле, я считаю главным достоинством этой картины другой взгляд на врага. Во всех фильмах до этого немцы были илитомами, в основном бегающими по избе с криком: матка-курка! матка-яйка! А мой отец, здоровый, унылый, красивый, первозрядный по лыжам, шахматам, теннису, все никак не мог победить этих дураков. Что-то здесь было не так. Лиознова решила поднять уровень немцев и тем самым подняла значимость народного подвига. Мы всевали с немцами, но с мозгами у них все было в порядке. И не только с мозгами. Консультантом на картине среди других генералов был такой полковник Колхиани. Снимали сцену, когда мы с артистом Лановым и двумя стенографистками должны войти в бункер к Гимлеру. Колхиани молчал, молчал, но когда мы ринулись в бункер, сказал: «Нет, это невозможно. Они были интеллигентные люди, они женщин вперед пропускали». Мне племянница Шеленберга открыто прислала, где написала: спасибо вам, что вы были

так же добры, как был добр дядя Вальтер. Что она имела в виду, мне так и не удалось узнать. Эта роль, несомненно, прибавила мне зрительской любви. А именно зрительской любви я всегда был защищен от власти. Правда, в новые времена особенно защищаться было не от кого. С 1987 года никто никогда из властей не позволял себе порекомендовать мне что, когда и кого ставить в театре. Но весь ужас в том, что они не делают не только того, что не должно, но и того, что делать обязаны. Никто не рассчитывал агиты конношни исторически накопившихся безобразий, а все только добавлял и добавляет. Особенно жалко стариков, в нищете доживающих свою и так несладкую жизнь; и мальчишек, гибнувших во все новых войнах. Стыдно, стыдно и за себя тоже, что практически ничего не можешь сделать. Хотя я стараюсь по мере сил помогать тем, кому могу и как могу. Например, в своей студии я поставил дело так, чтобы не ходить с протянутой рукой ни в Союз театральных деятелей, ни в другие организации. Когда мы едем в какой-либо регион, то я договариваюсь заранее, какие структуры или предприниматели проплатят нам гонорар. В этом случае мы можем сделать цены на билеты, доступные многим. Это не значит, что они должны быть бросовые. Доказано, что низкие цены на билет не гарантируют заполнения зрительского зала. Скорее, наоборот, это стимулирует тенденцию. Но ведь и с гостройной политикой надо работать, а не кулачить: ах, это дорого, ой, это невозможно. Значительная часть коллег просто плывут по течению, твердо зная, что хоть в Каспийское море оно их вынесет. Лучшие же вспомнили анекдот. Два еврея упали с парохода в море, не умея плавать. Начали возматывать руки к небу: «Что нам делать, как нам быть?» — и поплыли до Турции. Еще мне помогают люди, чье доброе отношение ко мне ли, к театру я переплавил в пользу своих студентов. Два моих друга платят 20 стипендий по 500 рублей каждая. Возникает уже другая проблема — некоторые преподаватели получают меньше студентов, но это тоже решаемая проблема. Несколько лет назад я с Александром Поповым организовал в Бостоне Russian-American performance arts school, где в свой отпуск веду мастер-классы и зарабатываю деньги на жизнь в России. И не только я. Русская театральная педагогика — это наиболее котуремая в развитии странам часть театрального дела. В школу-студию МХАТ с большим удовольствием и небесплатно ездят американские актеры совершенствовать свое мастерство. Сейчас просят японцы. В мире нас часто ценят больше, чем мы сами. Востребованность — это не только непременное условие коротких минут счастья человека, но и залог исторического развития страны. Когда-то ко мне из Саратова приехала жить соседка по коммунальной квартире. Старший сын Антон тогда был мальчишкой, и она не без успеха его воспитывала. Он вырос, и она, будучи человеком религиозным, решила, что пора умирать. Купила белого материала, тапочки, почти перестала вставать. Но тут у нас родилась дочь, Мария Николаевна поднялась и жила еще 9 лет. Так и Россия. Осознанную силу, которая не скучает, рождая все новые и новые таланты, она выведет на очень хорошую дорогу. Я социальный оптимист и верю в ее мощный взлет.

Полосу подготовила Ольга ТИМОФЕЕВА Фото Сергей ХВОРОСТОВА

- Кто и что определило ваше воспитание?
- Вы долго после переезда в Москву чувствовали себя провинциалом?
- Какие имеете пристрастия?

Я РОДИЛСЯ в Саратове, в семье врачей, происходивших из совершенно различных слоев общества. Один мой дедушка был слесарь, золотые руки, при этом сильно пьющий. А мамин папа — владелец большого имения в Одесской губернии, которое обеспечило зерно значительный контингент царской армии. Имелась также купленная в 16-м году на Капри белоглазый дом, а на берегательных книжках всех пятидесяти лет лежало по 25 тысяч серебром. Разумеется, после чрезвычайных событий в стране от этого благополучия ничего не осталось, но благодаря папину пролетарскому происхождению ничего более страшного не случилось. Дед Андрей Францевич умер в конце осени, заставивший умир до декабря 19-го года освобожденными от его эксплуатации крестьянами. Но никакой предрасположенности воспринять революционные идеалы у меня не было. Я знал, что эсер дядя Гриша, вытаскив жребий, предписывающий убийство кого-то на съезде, вернулся домой, взял ружье, снял болт и застрелился. Тетя Оля, забеременев от директора гимназии, дабы не подвергать любимого позору, тоже окончила жизнь самоубийством. Дядя Толя довольно рано просветил меня о происходящем в стране. Он остался за старшего мужчину в семье, поскольку отец ушел из семьи, когда мне было 14 лет. Я на всю жизнь запомнил эту боль, становившуюся особенно нестерпимой в гостях у друзей, где были отцы. История моей последней женитбы растянулась на много лет из-за острой памяти об этой боли. Я долго не решился причинить нечто подобное своим детям. Мать, женщина гордая и красивая, наверняка могла устроить свою судьбу, но у нее на руках была обуза в виде меня и моей сводной сестры Мирры. Правда, справлялась она с нами довольно весело. Помню, садимся ужинать, и она говорит: «Детки, у нас до зарплат осталось столько-то, но я бы очень хотела пойти на концерт». И мы от души кричали: «Иди, мама», не осознавая грядущих разрушений в семейном бюджете. А жизнь, конечно, была скудная. Чтобы не голодать, мы покупали пять мешков картошки, бабушка солила калку капусты, калку огурцов и калку помидоров. Жить буду, помирять буду, таких помидоров я больше нигде не ел. Тогда же я начал свои эксперименты с едой.

Помню, еще в войну баба Аня купила по дешевке мороженого лука, пожарила его на подсолнечном масле. А я додумался до того, чтобы томат-пасту туда добавить. И с черняшкой! И с картошкой! Поскольку у меня четыре крови: польская, русская, мордовская, украинская, то в нашем доме были представлены все эти кухни. И представлены образцово. Поэтому у меня культура еды очень высокая. Если есть острину, то с гранатовым соусом, если... О, об этом я могу говорить бесконечно, так что давайте лучше о высоком.

Первый раз в театр я пошел с мамой. Это был балет. Самые горячие чувства мои оказались шовинистическими. Будучи на четверть поляком, я страшно негодовал по поводу татарских набегов на польское государство и очень сочувствовал Марии, которую принуждали к сожительству. Тем более ее танцевала, как говорила бабушка, «птицаркватова звезда», и мне по-человечески было жаль эту «вожделю» женщину. На «Кремлевских курантах», которые показывал МХАТ, когда был в Саратове в эвакуации, я заснул сразу. Тем не менее какие-то артистические склонности проявились довольно рано, по крайней мере, мои кривляния, показы гостей принимались окружающими благосклонно.

Однако наш поход с мамой в драматический кружок Дворца пионеров был спровоцирован не столько моими способностями, сколько ее желанием отвлечь меня от заманивающего влияния улицы. Я был трусоват от природы, а урковатые товарищи, чье расположение я завоевывал своими самыми неожиданными познаниями, обещали мне сексирити. Меня звали «профессоренок» из-за моей хорошей памяти, которой я пользовался в корыстных целях — спрашивая, что, ну-ка, увлекательно не рассказывать... Короче говоря, вместо улицы стал я ходить в драмкружок. И первым моим учителем стала руководительница этой детской студии Наталья Иосифовна Сухотая. Дочь чешского профессора, приехавшего строить новую жизнь в стране побеждающего социализма, она неосторожно вышла замуж за человека по фамилии Томайяйтис. Он был следователем по особо важным делам, и когда расследовал якобы вредительское дело строителя саратовского крытого рынка, то посадил, скажем, не 10 человек, а 5. Его расстреляли, а ее с вольным билетом выгнали из ТЮЗа. Она стала учить детей и к концу жизни вывела в жизнь 160 актеров. Мы, благодарные ученики, не так давно скинулись и поставили ей памятник в городе Саратове. От нее я воспринял главный урок театр — это дело взаимозависимое, коллективное. Это не

- Что определило выбор вашей профессии?
- Согласитесь ли вы возглавить МХАТ, как предлагает вам Олег Ефремов?
- Чем был театр «Современник» в вашей жизни?
- Что делает театр необходимым временем и людям?

А В МОСКВУ я попал, поступив одновременно в ГИТИС и Школу-студию при МХАТ. Выбрал все-таки последнюю. Скорее всего, потому что в тот год курс набирал Василий Осипович Попов. Фантастически успешный провинциальный актер, первый комик у Корша, пришедший к Станиславскому учиться как бы заново, он был существом особого порядка. Он и Олег Николаевич Ефремов — мои главные учителя по ремеслу. И никакие наши размошки с Ефремовым не могут этого отменить. Собственно, размошка была одна. Когда Олег Николаевич решил уйти из «Современника». Вернее, из-за того, что он решил уйти в МХАТ, а я решил стать директором «Современника». Никто не понимал, зачем я это глупость делаю. Лилия Толмачева, как человек непосредственный, говорила: «Лелик, ты что, дурак?» Но я себе сказал: «Нет, блин горелый, не дам. Не дам раз-

заменная мудрость, а знание, выстраданное на собственном опыте: когда ты, например, свинчался с занятием, подволя других, она удерживала такую нравственную порку, что повторить это тебе становилось невозможным. Кто повторял — тех выгоняли.

И еще один важный урок я получил в юности. Приехав в Москву учиться, я попал в семейство Валентина Александровича Серова. В нем было несколько прекрасных женщин — жены серовских внуков. Интеллигентные, мягкие в обхождении, они были неспрочноны в своих взглядах. А я был страшным конформистом. Молчалив передо мной — шенок. Они помогли мне изжить эту уступчивость, произвели гуманизацию провинциала. Помню, одна из них, внучка Серова Олячка Хортик привела меня в Большой зал консерватории. Я заснул на пятой минуте. На втором концерте пролежал уже до сельной. Но на пятом концерте я уже не спал. И больше уже никогда не спал рядом с прекрасным. Москва — город красивый, но строгий, пошлый от него не жди. Есть множество мест, где можно себя изменить. И мне очень повезло, что я попал в настоящий интеллигентный люд. Благодаря этому я льщу себя надеждой, что помру все-таки человеком интеллигентным.

Во-вторых, наследник из меня еще тот. Я твердо знаю, что надо делать, и это мало кому понравится. А надо закрыть театр, вывести за штат актеров, заключить новые контракты, поставить на основной сцене три спектакля, на новой — два. Тогда это будет поступком, к нему можно будет отнестись с уважением, как ко всякому поступку, который имеет в своем основании риск.

Кроме всего прочего, рождение каждого театра обуславливается историей и состоянием общества. Таганка родилась на гребне полици и культурного двусмыслия, когда все происходившее на сцене подпитывалось жизненными ассоциациями. Квинтэссенцией подобного подхода к делу стал спектакль «Смерть Тарелкина» в театре Маяковского. Я смотрел его из директорской ложи, а позади меня две вполне образованные женщины до

Интеллигентным и гостеприимным людям с благодарностью

образия. Проходя по сцене мимо него — я играл горбуна, калеку и гомосекса одновременно — тихо проговорил: «Такому рассказчику положен х... за щеку». Что было! Миша учинил скандал, особенно напав на мое директорство. Будучи человеком совестливым, я побоялся, что больше слова не скажу. И сдержал обещание. Но на следующем спектакле, когда он опять завел волнку про одиночество, я, проходя мимо, характерным образом выпятил щеку языком.

Но настоящим мастером прикажи был Евстигнеев. В спектакле «Продолжение легенды» я играл рефлексирующего москвича-десятиклассника, не поппашего в институт и поехавшего искать себя на даче у бабушки. Но я не только искал, но еще и страдал по девушке с возвышенным именем Юнна. Страдания мои протекали у подножия бутра из папье-маше, о который постоянно царапался задом. И в один из моих душевных стрессов сученок Женя надел на себя нимб из спектакля «Никто» — две проволоки, между ними толь и блестячки, блестячки... И вот когда я к нему повернулся, он скрепил руки на груди, закатил глаза и говорит: «Лель, я Юнна». Ну, конечно, после этого ни до Юнны и ни до чего было. Но я ему, гаду, отомстил. Он играл такого баба — простой советский рабочий, кирзовые сапоги, галифе, большие мозолистые руки, созданные, чтобы обласкать, обнажить солянка, пришедшего на стройку. И вот на следующем спектакле, перед тем как подать ему руку, я зачерпнул грамм 500 вазелинчику. Воображение! Это хлопаны было слышно на последних рядах. А когда он играл графа Голенищева-Кутузова в «Декабристах», то однажды запутался в буквах и вместо финальной реплики спросил: «Вы ответите за все и за всех?» гневно выкрикнул: «Вы ответите за все и за свет». Стоявший на допросе декабрист Витяка Сергачев тихо добавил: «и за газ...» В общем, развлекался как мог. Атмосфера была особая, нежная.

КИПР ГРЕЦИЯ

MIBS
10 лет TRAVEL туроператор КИПР — ГРЕЦИЯ

ОСЕНЬ
РОССИЯ МОСКВА

Петровский б-р, 10
937-6666
Смоленская пл., 8
248-1903/6 (без выходных)

ЛЕТО на КИПРЕ

ОТ ★★ ДО ★★★★★★
от \$399

(8дн/7н, проживание, а/б, питание, трансфер, услуги гида-переводчика, страховка)

КИПР ГРЕЦИЯ